

УДК 343.1

*К.В. Скоблик***ПРИЧИНА ОТРИЦАНИЯ ЕДИНОЙ ОСНОВЫ ПОНЯТИЙ «ПОЗНАНИЕ» И «УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ДОКАЗЫВАНИЕ» – ПОНИМАНИЕ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА КАК СМЕШАННОГО**

Продолжая ряд публикаций, посвященных познавательным и прогностическим уголовно-процессуальным решениям, автор уточняет, что их понимание и возможность выделения зависят от взгляда на соотношение понятий «познание» и «уголовно-процессуальное доказывание». Разрешение последнего вопроса автор связывает с пониманием природы российского уголовного процесса. Критикуется устоявшаяся в доктрине позиция о доказывании как познание + обоснование, порожденная, по мнению автора, представлением о российском уголовном процессе как смешанном. Обосновывается тождественность понятий «познание» и «уголовно-процессуальное доказывание» на основе понимания российского уголовного процесса как публичного. В качестве методологической ошибки процессуалистов, чьи работы анализируются в статье, названо стремление разрешить вопрос о соотношении понятий «познание» и «уголовно-процессуальное доказывание» на уровне род-вид через уровень целое-часть. Полученные результаты позволяют утверждать: 1) поскольку основания принятия познавательных и прогностических решений формируются в ходе познавательной деятельности (доказывания), то, принимая эти решения, необходимо соблюдать именно правила ведения познания: требования формальной и диалектической логики; 2) решение, независимо от содержания и стадии (предварительное расследование, судебное разбирательство), где оно принимается, в основании имеет один и тот же механизм формирования.

Ключевые слова: познание, уголовно-процессуальное доказывание, смешанный уголовный процесс, публичный уголовный процесс, познавательные и прогностические уголовно-процессуальные решения.

Ранее в электронном приложении к Российскому юридическому журналу (2016, № 2) вышла статья «Классификация решений в российском уголовном процессе». В ней мы уголовно-процессуальные решения разделили на познавательные¹ и прогностические². В основе этого шага лежало определенное понимание места познания в российском уголовном процессе. Исследуя этот вопрос, мы обнаружили причину неотожествления процессуалистами понятий познания и доказывания: понимание российского уголовного процесса как смешанного. Доказать обратное, их тождественность, относясь к российскому уголовному процессу как к публичному, мы и постараемся в настоящей статье.

Для верного соотношения рассматриваемых понятий определим сначала их содержание. Познание – творческая деятельность субъекта, ориентированная на получение достоверных знаний о мире [16. С. 766]. Обратимся к словарной дефиниции.

Во-первых, здесь не указывается на сущность познания, то есть на единство мыслительной и практической деятельности. Подобный вывод следует из понимания сущности как философской категории, фиксирующей устойчивые и определяющие характеристики предмета, составляющие его субстанциональное ядро (его «природу»), в отличие от меняющихся и второстепенных его черт, присутствующих в его конкретном явлении [15. С. 108]. Иначе говоря, сущность есть то, что неизменно в предмете и определяет все его иные свойства. Применительно к познанию – это именно *единство*³ мыслительной и практической деятельности, то есть чувственного и рационального. В каждом познавательном акте добывается чувственный опыт и мыслительно обрабатывается. При этом работа на уровне

¹ Познавательное – основанный на знании прошлого проект процессуального действия, влияющий на достижение целей публичного уголовного процесса, определяемых его назначением и началом (решение об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, решение о привлечении лица в качестве обвиняемого, о составлении обвинительного заключения / обвинительного акта, постановлении приговора в части установления обстоятельств, подлежащих доказыванию и т.п.).

² Прогностическое – основанный на предвосхищении будущих действий и событий вариант процессуального действия, влияющий на достижение целей публичного уголовного процесса, определяемых его назначением и началом (решение об избрании меры пресечения, о назначении конкретного вида и размера наказания, например).

³ Правильно подчеркивает С.И. Ощепков: «Вопрос о том, что лежит в основании познания – чувства или разум – некорректен. Чувственный и рациональный способы отражения мира не исключают, а дополняют друг друга. Всякое знание есть синтез чувственного и рационального, правда, доля каждого из них в нем может быть различной» [17. С. 148].

восприятий, ощущений и представлений уже сопровождается мыслительной деятельностью, благодаря имеющейся в нашем сознании цели, опираясь на которую мы выбираем именно то чувственное, что может помочь в получении знания. Странно, если следователем будут изъяты в ходе обыска, а затем осмотрены и приобщены к материалам дела предметы, в отношении которых путем мыслительной деятельности нельзя выдвинуть даже предположение об их относимости. Другой пример: проводя допрос, получая информацию, следователь или дознаватель параллельно ее оценивает, что позволяет задавать новые вопросы, уточнять получаемые ответы и в целом управлять следственным действием, направляя его в то или иное русло. Без единства двух деятельностей описанное было бы невозможно.

Так, нельзя говорить о достижении прокурором, утвердившим обвинительное заключение, знания об обстоятельствах ст. 73 УПК РФ, поскольку он его только проанализировал, но непосредственно доказательства не исследовал, а значит, ограничился деятельностью оценочной, мыслительной. Следовательно, чтобы реализовать указанное единство и на основе этого получить знание о событии прошлого, прокурор и должен идти в суд⁴, единственно предоставляющий для него возможность непосредственного исследования доказательств. Познание не состоит только в мыслительной деятельности и при разрешении противоречий между суждениями. Яркие примеры дополнения ее практической деятельностью – очная ставка, перекрестный и шахматные допросы, используемые для ликвидации противоречий в показаниях допрашиваемых лиц.

Исходя из сказанного, несостоятельны суждения, противопоставляющие мыслительную деятельность практической или же разрывающие их единство.

Разбирая доказывание, К.И. Попов пишет: «Доказывание в уголовном процессе представляет собой разновидность познания человеком реальной действительности... Вначале накапливается определенный фактический материал, который подвергается анализу, разделяется на части, выясняются отдельные детали, стороны исследуемых фактов, после чего делается обобщающий, синтезирующий вывод о всем исследуемом событии» [18. С. 136]. Но «фактический материал», как мы показали выше, собирается также и при помощи мыслительных действий, следовательно, анализ и синтез используются уже при его накоплении, а не только после этого процесса.

Затем он отмечает: «Как всякий процесс познания, процесс доказывания по уголовному делу – это мыслительная деятельность его участников» [18. С. 136]. Здесь возникает вопрос: если доказывание как познание – только мыслительная деятельность, то каким образом появляется «фактический материал» для анализа и синтеза? Противоречие это снимается далее: «Фактические обстоятельства уголовного дела требуют исследования с помощью практических действий, направленных на получение доказательственной информации. Процессуальное доказывание не ограничивается одной лишь мыслительной деятельностью, умозаключениями, а включает в себя деятельность по собиранию и проверке доказательств. Таким образом, оно имеет не только познавательную, но и практическую сторону» [18. С. 137]. При разрешении одного противоречия рождается другое: если доказывание – вид познания, как ранее отмечал К.И. Попов, а последнее – исключительно мыслительная деятельность, по его утверждению, то тогда доказывание как разновидность не может включать иную, отличную от рода (познание-мыслительная деятельность) практическую деятельность или, как говорит К.И. Попов, «практическую сторону». Тем самым попытка снятия через добавление практической деятельности противоречия, возникшего из признания познания и доказывания только мыслительными деятельностями, приводит к другому противоречию – между видом и родом. Корень всего этого в разрыве в познании и доказывании единства двух деятельностей, следовательно, выход из этой и подобных ситуаций⁵ в его признании, поскольку «...только единство мыслительного и практического дает то, что можно обозначить как познание» [1. С. 246]. Иное, как мы показали, подпитывает противоречия через разрушение естественных связей между частями (мыслительной и практической дея-

⁴ Однако в состязательном процессе, каким, по нашему мнению, российский не является, прокурор участвует в судебном заседании, безразлично к достижению/недостижению знания. В этом и есть логика состязательности, где обвинение или защита только убеждают судью в виновности или невиновности подсудимого, правоте своего тезиса. В этом процессе сам по себе факт получения/неполучения знания не ключевой для завершения деятельности, убеждение – вот ключевой.

⁵ Похожим образом, что и К.И. Попов, рассуждает В.И. Безрядин: «Процесс доказывания состоит из двух аспектов: познавательная деятельность, которая связана с оценкой доказательств, и практическая деятельность, выражающаяся в действиях правомочных лиц по обнаружению, закреплению и проверке доказательств» [3. С. 5].

тельностью) и целым (познанием)⁶. Подобное следует из признания операции деления целого на части только как продукта человеческого мышления и того, что, следовательно, части целого в действительности не разрываются. Расчленение целого без его уничтожения возможно только мысленно, например, в целях изучения какой-либо части.

Порок вышеозначенного определения познания также и в использовании тавтологии «достоверных знаний»: знание по определению достоверно, иначе получившееся сложно назвать «знанием»⁷. Кроме того, в российском уголовном процессе «достоверность» – свойство именно доказательств (ч. 1 ст. 88 УПК РФ), а не знания, получаемого в ходе доказательственного процесса, хотя оно также достоверно, но в этом случае содержание понятия «знание, получаемое в ходе доказательственного процесса» включает признак достоверности, и потому его отдельного выделения не требуется.

Таким образом, определить понятие «познание» с учетом указанных дополнений возможно как единую (мыслительную и практическую) творческую деятельность, направленную на получение знаний о мире.

Определяя второе соотносимое понятие доказывания, мы первым делом продемонстрируем противоречивость существующих в уголовно-процессуальной доктрине позиций на этот счет, а затем обозначим собственное его понимание.

Например, С.Б. Россинский, определяя соотношение понятий «познание» и «уголовно-процессуальное доказывание», отмечает: «Безусловно, уголовно-процессуальное доказывание полностью не вписывается в более широкую категорию “познание”, и конечно, эти категории не тождественны», то есть, по мнению автора, существует часть объема понятия «уголовно-процессуальное доказывание», которая «не вписывается в более широкую категорию “познание”». Но уже в следующем предложении он утверждает: «Вместе с тем доказывание нельзя категорично развести с познавательной деятельностью, т. е. лишить его гносеологического фундамента, на котором и строятся все доводы и аргументы как суда, так и сторон» [19. С. 12]. Выходит, если доказывание нельзя «лишить его гносеологического фундамента», то оно должно полностью вписываться «в более широкую категорию “познание”», невписание же хотя бы части объема понятия «доказывание» означало бы, что эта часть лишена необходимого «гносеологического фундамента», что невозможно исходя из второго утверждения С.Б. Россинского. Таким образом, противоречие между двумя суждениями в том, что первое предполагает невключение полностью уголовно-процессуального доказывания в категорию «познание», а второе, утверждая, что доказывание не может быть лишено своего «гносеологического фундамента», тем самым предполагает полное включение уголовно-процессуального доказывания «в более широкую категорию “познание”».

Видится, что суждения, противоречивость которых мы показываем, есть следствие понимания С.Б. Россинским доказывания в уголовном судопроизводстве как двухэтапного процесса, состоящего «... в процессуальном познании обстоятельств уголовного дела и в логическом обосновании данными обстоятельствами правоприменительных решений...»⁸ [19. С. 12-13]. Но если следствия, выведенные из основания взаимопротиворечивы, то само основание – позиция С.Б. Россинского о двухэтапном процессе доказывания в уголовном судопроизводстве – не может быть истинным. В сложившейся ситуации необходимо или изменение основания в соответствии с выведенными следствиями и (или) анализ следствий с целью определения тех, которые действительно могут быть дедуцированы из разбираемой позиции.

Особенно важно, что представленная противоречивость – только вершина айсберга: непоследовательность авторских тезисов есть результирующее от смешения двух видов употребления понятий: собирательного (отношение «целое – часть») и разделительного (отношение «род – вид»). Таким образом,

⁶ Имеются в виду связи между познанием как процессом, протекающим в действительности, и частями этого процесса, а не связи между понятием «познание» как целым и его частями: объемом и содержанием.

⁷ Новая иллюстрированная энциклопедия определяет: знание – достоверное, истинное представление о чем-либо в отличие от вероятностного мнения [15. С. 108].

⁸ Идея С.Б. Россинского о двухэтапности не нова. Разделяя процесс познания по уголовному делу на познание доказательств и познание обстоятельств, А.А. Давлетов ранее заключил: «Итак, уголовно-процессуальное познание ... состоит из двух частей: 1) **исследования доказательств**; 2) **доказывания обстоятельств**. Такое понимание доказывания в уголовном процессе соответствует философским свойствам доказывания, тому, что оно, во-первых, представляет собой “выведение знания из знания”, из знания “для себя” знания “для других” и, во-вторых, “есть вообще опосредствованное познание”» [5. С. 177-178].

вывод С.Б. Россинского об определенном родовидовом отношении между понятиями «уголовно-процессуальное доказывание» и «познание», а именно «уголовно-процессуальное доказывание полностью не вписывается в более широкую категорию “познание” и, конечно, эти категории нетождественны», – основан на отношении уже «целое – часть» между этими понятиями. «Доказывание в уголовном судопроизводстве целесообразно рассматривать как двухэтапный процесс, состоящий в процессуальном познании обстоятельств уголовного дела и в логическом обосновании данными обстоятельствами правоприменительных решений». В данном случае об отношении «род – вид», если и можно вести речь, то лишь соотнося познание и часть уголовно-процессуального доказывания, являющуюся, по мнению автора, «процессуальным познанием обстоятельств уголовного дела», но некорректно говорить об этом отношении между всем уголовно-процессуальным доказыванием и познанием на том только основании, что первый этап доказательственного процесса является «познанием обстоятельств уголовного дела». Если утверждать подобное, то необходимо понимать уголовно-процессуальное доказывание как целое, где один из его этапов и только этот этап отвечает признакам понятия «познание» и потому является познанием. Сказанное, в этом случае, образует следующие соотношения: 1) понятие «познание» включает в себя понятие об этапе доказывания, являющемся познанием (в случае разделительного употребления), но не обо всей доказательственной деятельности; 2) между понятием «уголовно-процессуальное доказывание» и понятием «познание» (в случае их собирательного употребления) установится отношение несовместимости, исключаящее – в противоречие указанному С.Б. Россинским в своем утверждении, послужившим началом для нашей критики – какое-либо, даже неполное включение уголовно-процессуального доказывания «в более широкую категорию “познание”», поскольку любые два понятия, находящиеся в отношении «часть и целое», находятся в отношении несовместимости [23. С. 147].

В целом обозначенный подход к решению вопроса о родовидовом отношении на основании отношения «целое-часть» довольно распространен. Так, Е.А. Карякин полагает, что «...уголовно-процессуальное доказывание как более широкое понятие, наоборот, включает в свой состав познание по уголовному делу (уголовно-процессуальное познание) и, как нам видится, именно познание выступает сердцевинной процесса доказывания» [9. С. 40]. Стоит критически посмотреть и на тезисы Е.М. Демченко, которая сначала отстаивает включенность доказывания в познание: «...Понятие познания по уголовному делу шире понятия доказывания и включает его в себя помимо иных способов получения информации для достижения целей доказывания», но уже в следующем предложении себе противоречит: «Рассуждая здраво, нельзя утверждать, что доказывание является только познавательным процессом» [7. С. 122]. В сказанном снова, как и у предыдущих процессуалистов, усматривается желание разрешить вопрос о соотношении двух понятий через отношение «целое-часть», но модифицированное до «система-элемент». Так, познание по уголовному делу мыслиться деятельностью (система), включающей в себя доказывание (элемент) как способ «...получения информации для достижения целей доказывания», однако, если переходить к родовидовым отношениям, то корректнее говорить о подчиненности понятия «доказывание» не понятию «познание по уголовному делу», а, очевидно, неравнозначному ему понятию «способ познания по уголовному делу».

Наше основание всему проведенному анализу в том, что «весьма важным в логике является деление понятий на собирательные и разделительные. Первые построены на отношении целого и части, а вторые – на отношении рода и вида. Собирательным называется понятие, основным признаком которого относится не к каждому элементу множества, а ко всему множеству предметов как к целому, единому, например, в понятии «толпа» признак *быть толпой* относится к некоторому целому, а не к отдельным людям, составляющим толпу... В разделительных понятиях признак относится к каждому элементу множества предметов: *дом, театр, справедливость, число*» [11. С. 77].

Завершая разбор, остановимся на источнике перечисленных позиций – понимании природы российского уголовного процесса как смешанной: предварительное расследование – разыскное, судебное разбирательство – обвинительное (состязательное). Такой подход стимулирует процессуалистов соотносить доказывание и познание по системе «целое-часть» и определять первое как познание (разыскное предварительное расследование), дополненное обоснованием (состязательное судебное разбирательство). Именно этой позиции, присоединяясь к ее сторонникам, имевшимся с дореволюционного времени, придерживается С.Б. Россинский. Я. Баршев отмечал: «Из этих двух форм (обвинительный и следственный процесс.– К.С.) уголовного судопроизводства образовалась еще третья *смешанная*, основывающаяся на смешении обвинительной и следственной формы...»⁹ [2. С. 48]. В

⁹ Подобное понимание следственного (разыскного) и обвинительного процесса см.: [6. С. 121].

схожей манере, но только связывая обвинительное начало с состязательностью, рассуждал С. Викторовский: «Только по мере развития сознания о необходимости разделения труда следственное начало стало смягчаться и процесс стал переходить в форму *состязательного*, насколько это согласно с публичностью уголовного права...» [4. С. 5-6]. Подобный взгляд сохранился в советское¹⁰ и постсоветское время. Ю.К. Якимович отмечал: «Современный уголовный процесс России является смешанным: розыскным в досудебной части и состязательным в суде...»¹¹ [27. С. 528; 28. С. 21].

Рассматривая российский уголовный процесс как публичный, но не смешанный, обратимся к словам В. Линовского: «В четвертом периоде (30-е гг. XVI – 60-е гг. XIX в.– К.С.) развития уголовного судопроизводства, происходит значительная перемена... В это время присоединяется забота о поддержании законной безопасности и предупреждении будущих нарушений закона, а потому возмездное наказание получает и эти относительные цели... Состояние государства требует чтобы по возможности, ни одно действие противозаконное не осталось без наказания... назначаются особые чиновники, которые в силу своей должности (*ex officio*) преследуют преступления, это и есть основание следственного судопроизводства... Установление Губных старост составляет важную эпоху в истории русского уголовного судопроизводства, с ним можно сказать положено начало прочному существованию следственного судопроизводства» [10. С. 11-13]. Таким образом, начиная с учреждения губных старост (первая половина XVI в.¹²), преступление начинает признаваться делом общественным, а не частным. Поскольку это характерно для публичного уголовного процесса (каким, по нашему мнению, российский является), то для получения знания о событии прошлого процесс на стадии предварительного расследования и судебного разбирательства не должен отходить от познавательной сущности доказывания. Такое тождество задается познавательной целью, которая, согласно ст. 85 УПК РФ, состоит в установлении обстоятельств ст. 73 УПК РФ. И цель эту законодатель ставит как перед следователем, так и перед судом. Реализовать единую цель в разных стадиях можно, используя единый механизм познавательной деятельности, правда, осуществляемый в разных условиях. На предварительном расследовании, как и в судебном разбирательстве, производятся в единстве практические и мыслительные действия. Судья, как и следователь, дознаватель, без нахождения связей между доказательствами, мыслительной деятельности неспособен сформировать картину происшедшего, только лишь сняв информацию со следов события прошлого: услышав свидетелей, исследовав вещественные доказательства, заключение эксперта, иные документы и т.п. Отсылка к единству двух деятельностей обнаруживается и в ч. 4 ст. 283 УПК РФ, определяющей, что суд при наличии противоречий между заключениями экспертов (выявляются в ходе мыслительной деятельности) по собственной инициативе либо по ходатайству сторон назначает повторную либо дополнительную экспертизу (практическая деятельность), если эти противоречия невозможно разрешить посредством другой практической деятельности (допроса экспертов). Стоит обратиться и к ч. 3 ст. 275, ч. 3 ст. 278 УПК РФ, предоставляющим суду право задавать вопросы подсудимому и свидетелю после их допроса обвинителем и защитником, при этом названное право по своей сути становится для судьи обязанностью в том случае, если участники процесса в ходе своих допросов не выявили информацию, значимую для постановления приговора.

Помимо этого, УПК РФ содержит и иные необходимые для познания в судебном разбирательстве условия. Так, согласно ст. 86-88 УПК РФ, суд, наряду с дознавателем, следователем, прокуро-

¹⁰ М.С. Строгович писал: «Предварительное следствие заключается в детальном исследовании всех обстоятельств дела, собирании и проверке всех доказательств, как изобличающих обвиняемого, так и оправдывающих его», в то время как: «Все судебное разбирательство разворачивается в основных чертах в виде борьбы, состязания сторон при активном участии в исследовании доказательств самого суда, которому принадлежит руководящая и решающая роль» [22. С. 67-68]. И.В. Тыричев полагал: «Выделение обвинения и защиты в качестве самостоятельных функций, их отделение от судебной деятельности – краеугольный камень состязательного процесса... В советском уголовном процессе состязательность имеет под собой именно такую основу», при этом на предварительном следствии «...осуществляемая обвиняемым и его защитником функция защиты не вносит в расследование элементов состязательности. О состязательности, хотя и в усеченном виде, можно говорить лишь при условии отделения обвинения от разрешения дела. Такое отделение обвинения от расследования наступает, когда прокурор утверждает обвинительное заключение и передает дело на разрешение суда» [24. С. 46-47].

¹¹ Смешанной природы современного российского уголовного процесса придерживаются также следующие авторы: [21. С. 252-253; 26].

¹² Н.П. Ерошкин отмечает: «Первые губные грамоты получило население Белоозерского и Каргопольского уездов в октябре 1539 г. По этим грамотам преследование, ловля и казнь “лихих людей” в каждом уголовно-полицейском округе (“тубе”) возлагались на выборные “губные» органы» [8. С. 47].

ром, осуществляет собирание, проверку и оценку доказательств¹³. В ч. 1 ст. 240 УПК РФ указано об обязанности непосредственного исследования всех доказательств посредством именно действий суда: «Суд заслушивает показания подсудимого, потерпевшего, свидетелей, заключение эксперта, осматривает вещественные доказательства, оглашает протоколы и иные документы, производит другие судебные действия по *исследованию доказательств* (выделено нами. – К.С.)».

На основании сказанного, мы и говорим об использовании в судебном разбирательстве одинакового с предварительным расследованием познавательного механизма. Иное не отвечало бы требованиям ч. 1 ст. 297 УПК РФ («Приговор суда должен быть законным, обоснованным и справедливым»), ч. 4 ст. 302 УПК РФ («Обвинительный приговор не может быть основан на предположениях...»), иными словами, на вероятности, при этом вероятность и необходимая для постановления обвинительного приговора достоверность – это понятия и выведенные из них требования, относящиеся в первую очередь к познанию, а не к убеждению путем состязательности.

Таким образом, к российскому процессу не применимо смешение: предварительное расследование – познавательное, судебное разбирательство – состязательное, поскольку такое разбирательство цели познания перед собой не ставит. Действо здесь замыкается на формально-логическом доказательстве, софизмах, манипуляциях, используемых сторонами в стремлении не познать, а преимущественно убедить относительно пассивный суд. При таком подходе истина в споре не рождается, ведь спорящим до неё нет дела. Познавательные же результаты предварительного расследования при понимании российского процесса как смешанного используются лишь для обоснования в судебном разбирательстве, что может привести судью к решению, не соответствующему действительности.

Отстаивая подобным образом взгляд на доказывание только как на познание, мы контраргументировали понимание природы российского уголовного процесса как смешанной, ведущее к выделению в доказывании элемента «обоснование».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барабаш А.С. Публичное начало российского уголовного процесса. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр-Пресс», 2009.
2. Баршев Я. Основания уголовного судопроизводства, с применением к российскому уголовному судопроизводству. СПб., 1841.
3. Безрядин В. И. О некоторых проблемах доказывания в уголовном судопроизводстве // Царскосельские чтения. 2013. № XVII.
4. Викторский С.И. Русский уголовный процесс. 2-е изд., испр. и доп. М., 1912.
5. Давлетов А.А. Основы уголовно-процессуального познания. 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного университета, 1997.
6. Дегай П. Взгляд на современное положение уголовного судопроизводства. СПб., 1847.
7. Демченко Е.В. Теоретическая конструкция доказывания в уголовном процессе // Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА (вып.25). Оренбург, 2015.
8. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Высшая школа, 1968.
9. Карякин Е.А. Формирование истинности приговора в состязательном судебном производстве: вопросы теории и практики / под науч. ред. А. П. Гуськовой. М.: Юрлитинформ, 2007.
10. Линовский В. Опыт исторических розысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России. Одесса, 1849.
11. Логика / С.С Гусев, Э.Ф. Караваев, Г.В. Карпов [и др.]; под ред. А.И. Мигунова, И.Б. Микиртумова, Б.И. Федорова. М., 2010.
12. Медведев М.А. Суд как субъект уголовного процесса доказывания // Альманах современной науки и образования. 2013. № 9(76).

¹³ Видя активность суда не в познании, а в создании условий для него, М.К. Свиридов предлагает: «...Необходимость обеспечения установления нужной для вынесения приговора объективной истины и тем самым достижения большей полноты выполнения задач уголовного процесса требует повышения активности суда в получении доказательств. Но активность необходима не для самостоятельного собирания судом доказательств, а для воздействия на стороны с целью побудить их восполнить недостающие доказательства» [20. С. 147]. За расширение активности суда, правда в ином ключе, высказывается и Д.А. Мезинов: «...Предложение законопроекта закрепить для суда и должностных лиц стороны обвинения обязанность принятия всех необходимых мер к всестороннему, полному и объективному выяснению (исследованию) обстоятельств, подлежащих доказыванию... считаю вполне разумным и целесообразным» [13. С. 91-92]. О месте суда в уголовно-процессуальном доказывании также см.: [12. С. 111-113; 14. С. 36-40].

13. Мезинов Д. А. Необходимо ли закрепление понятия «объективная истина» в уголовно-процессуальном законе? // Вестник Томского государственного университета. Право. 2013. № 2(8).
14. Минимурзина О.Н. Судья как особый властный субъект судебного следствия // Российский судья. 2016. №7.
15. Новая иллюстрированная энциклопедия. Т. Ск-Та. М.: ООО «Мир книги»: Большая российская энциклопедия, 2005.
16. Новейший философский словарь / сост. и гл. науч. ред. А.А. Грицанов. 3-е изд., испр. Минск: Книжный дом, 2003.
17. Ощепков С.И. О единстве чувственного и рационального в познании // Вопросы образования и науки: теоретический и методический аспекты: сб. науч. Тр. по материалам междунар. науч.-практ. конф. Тамбов, 2015.
18. Попов К.И. Доказывание в уголовном процессе // Правопорядок: история, теория, практика. 2014. № 2(3).
19. Россинский С.Б. Механизм формирования результатов «невербальных» следственных и судебных действий в уголовном судопроизводстве. М.: Проспект, 2015.
20. Свиридов М.К. Установление судом истины в судебном разбирательстве // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 353.
21. Соловьев А.А. Типология уголовного процесса РФ и ее значение для формирования системы принципов // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2012. № 1.
22. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т.1: Основные положения науки советского уголовного процесса. М.: Наука, 1968.
23. Тоноян Л.Г. О месте собирательных понятий в логике // Логико-философские штудии. 2009. № 7.
24. Тыричев И.В. Принципы советского уголовного процесса: учебное пособие / отв. ред. М.С. Дьяченко. М., 1983.
25. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (с изм. от 06.07.2016) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 1. Ст. 81, 83, 85; № 6. Ст. 885; № 21. Ст. 2981; № 29. Ст. 4354, 4391; 2016. № 1 (часть I). Ст. 61; № 14. Ст. 1908; № 18. Ст. 2515; № 28. Ст. 4559.
26. Шадрин В.С. Желаемое и действительное в досудебном производстве российского уголовного процесса // Уголовная юстиция: связь времен: материалы междунар. науч. конф. СПб., 2010. URL: <http://www.iauj.net/node/536>.
27. Якимович Ю.К. Избранные труды. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2011.
28. Якимович Ю.К., Пан Т.Д. Судебное производство по УПК Российской Федерации. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр-Пресс», 2005.

Поступила в редакцию 12.02.17

K.V. Skoblik

THE NEGATION CAUSE OF THE UNITED BASIS OF CONCEPTS «COGNITION» AND «CRIMINAL PROCEDURE PROVING»: UNDERSTANDING OF THE RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURE AS MIXED

Continuing a series of publications on cognitive and predictive criminal procedural decisions, the author specifies that their understanding and the possibility of separation depend on the view of the correlation between the concepts "cognition" and "criminal procedural proof". The author believes that the understanding of the nature of the Russian criminal process helps to solve the problem. The established view of proving as of "cognition + rationale" is criticized as generated, in the author's opinion, by the notion that the Russian criminal trial is mixed. The identity of the concepts "cognition" and "criminal procedural proof" is grounded on the basis of understanding of the Russian criminal process as public. The author thinks that the methodological error of the authors, whose work is analyzed in the article, is the desire to resolve the question of the relationship between the concepts "cognition" and "criminal procedural proof" at the level "gender – kind" through the level "whole – part". The obtained results make it possible to assert: 1) since the grounds for the adoption of cognitive and prognostic decisions are formed in the course of cognitive activity (proof), then, when making these decisions, it is necessary to observe the rules of cognition: the requirements of formal and dialectical logic; 2) the decision, regardless of the content and stage (preliminary investigation, trial) where it is adopted, has inherently the same formation mechanism.

Keywords: cognition, criminal procedure proving, combined criminal procedure, public criminal procedure, cognitive and prognostic criminal procedure decisions.

Скоблик Константин Владимирович, аспирант,
ассистент кафедры уголовного процесса и криминалистики
ФГАОУ ВО ЮИ «Сибирский Федеральный Университет»
660075, Россия, г. Красноярск, ул. Маерчака, 6
E-mail: 8923362@gmail.com

Skoblik K.V., postgraduate student,
assistant at Department of the criminal procedure
and criminalistics,
Law Institute of the Siberian Federal University
Maerchaka st., 6, Krasnoyarsk, Russia, 660075
E-mail: 8923362@gmail.com